

Светлана Минибекова

кандидат филологических наук.

МАМА

О Зибе Султанбековне Ходжановой

Собравшись написать о маме, я подняла ее письма из Москвы. В одном из них она радостно сообщала о своем участии в праздновании Наурыза в Посольстве Казахстана. А для нашей семьи это был двойной праздник.

В 1925 году в газете «Еңбекшіл қазақ» вышла статья под названием «Наурыз», подписанная: «Султанбек» и датированная 22-м марта. Призывая широко и весело отметить праздник обновления Земли, как было принято на Востоке еще до возникновения ислама, автор статьи убеждал, что Наурыз – не религиозный праздник. Он символизирует благополучное преодоление зимних тягот, пробуждение природы, увеличение поголовья скота, начало сева.

В своей книге «Сұлтанбек Қожанұлы»¹ Жолтай Алмашев пишет: «Будучи в новой столице вторым секретарем², Султанбек уделял особое внимание национальным традициям казахского народа, народным праздникам. “Каждый народ отличают его хорошие традиции, – читаем мы в статье С. Ходжанова “Наурыз”. – На лучших традициях казахского народа и строится праздник Наурыз. Надо напоминать об этом читателям”» (здесь и далее перевод наш – С.Т.).

В 1926 году в Казахстане состоялось празднование Наурыза. Сам Султанбек не смог присутствовать на торжествах. Он жил уже в Москве, после того, как Ф. Голощекин лишил его возможности работать на родине, но был очень доволен тем, что всенародный той несомненно способствовал поднятию настроения людей, осознанию престижа своего народа. Надолго осталась память об этом событии, тем более что Наурыз, к великому сожалению, не праздновался более 60-ти последующих лет. Такова была директива сверху.

...И в Москве, во время празднования Наурыза, и в Алматы мама очень радовалась тому, что мечты ее отца, наконец, воплотились в жизнь, и Наурыз набирает силу. Она живо откликалась на происходящее и принимала в нем активное участие. Праздник был единым для всех. В то время я преподавала русский язык для иностранных студентов в Алма-Атинском энергетическом институте и провела с многочисленными гостями праздника викторину, посвященную казахскому прикладному искусству.

1 Әлмашұлы Ж. Сұлтанбек Қожанұлы (Түрмеде сөнген шырақ) – Алматы: Қазақстан, 1994.

2 В то время Казкрайком находился в г. Кызыл-Орде – С. Т.

Ж. Алмашев высказал ценную мысль: мы должны склонить голову перед именем Султанбека Ходжанова как человека, утверждавшего необходимость проведения Наурыза, ставшего настоящим народным праздником.

...Как много волнительных, проникновенных строк посвящено нашим матерям. Тем ответственной я чувствую себя. Мной овладевает смятение. Это была живая, блестящая юмором женщина, которая много читала, любила классическую музыку, балет. Среднего роста, с возрастом немного расплывшаяся, но остававшаяся моложавой, она по-прежнему привлекала внимание мужчин. Одевалась всегда красиво, со вкусом, пусть платье было куплено даже на последние деньги. Лицо мамы с раскосыми глазами, тщательно прорисованными природой бровями, пухлым маленьким ротиком и прямым носом не было лишено интеллекта. Она была красива. Может быть, называя дочь, родители имели в виду и персонаж народной песни «Зибаш-ай»³. В ней – не только такое же имя, но и схожесть портретных деталей.

Родившись в 1919 году («в тяжелый, голодный год», – как писала мама), Зибá росла свободно, получила хорошее домашнее воспитание, обучалась в средней школе Ташкента и Москвы, мечтала стать историком.

Часто мама вспоминала о своем отце – видном государственном, политическом, общественном деятеле Казахстана и Средней Азии Султанбеке Ходжанове⁴, ставшим жертвой сталинских репрессий. Ученый, публицист, литературовед, поэт, переводчик, педагог, просветитель Султанбек Ходжанов (1894-1938) окончил Туркестанскую Учительскую семинарию в Ташкенте, был слушателем курсов марксизма-ленинизма при Коммунистической Академии в Москве. Являлся членом ЦК Туркестанской Коммунистической партии, Заместителем председателя ЦИК Республики Туркестан, занимал должности трех Народных комиссаров Туркестанской республики, был Членом Президиума ЦИК Казахстана. Султанбек Ходжанов работал Вторым секретарем Казкрайкома, первым из национальных кадров возглавил Казахстан.

«Папа был выше среднего роста, смуглый, коренастый, широкоплечий, крепкого сложения, – рассказывает дочь. – У него были черные, умные, улыбающиеся глаза, белые ровные зубы, прямой нос, короткие усики и стрижка «под ёжик». Одевался он просто, аккуратно. Аульные дети засматривались на китель, который он носил часто. Несмотря на большую занятость папа неожиданно мог задать любой вопрос из пройденного мной материала, я быстро отвечала на него, что

Зибá Султанбековна Ходжанова. 1950 г.

³ Зибá – с арабского: грациозная, по другим источникам: с фарси – нарядная, красивая.

⁴ Фамилию пишу согласно документам того времени. Считаю, что так она должна звучать и выглядеть на бумаге, поскольку сейчас нередко можно услышать: «Это тот Қожанов, который Ходжанов?»

вызывало его довольную улыбку». Вспоминая о нем, мама на глазах у нас превращалась в ребенка: по всему было видно, что в детстве, что так резко оборвалось, не добрала она родительской любви, ласки, тепла и внимания.

...Забравшись тайком в кабинет отца, маленькая Зиба читала по ночам энциклопедии. Эту страсть к познанию нового, неизведанного она сохранила на всю жизнь. Когда же представилась возможность, в 1960-х годах, Зиба обогнула Европу на теплоходе. Во время путешествия она частенько заказывала песню: «Белла Белладонна, Донна дорогая, торопись, я жду тебя в таверне “Двери рая”. Уж до чего красив ночной залив, там кипарисы...». Позднее мама посетила Китай и на всю жизнь стала его «фанаткой». «Общество дружбы» тоже соответствовало и поздравляло маму из Пекина красивыми открытками с крепдешиновыми вставками с общими для наших стран праздниками. Мама еще планировала поездки по странам, и, когда я советовала ей поехать в санаторий и подлечиться, восклицала: «Ах, Светка, ты не понимаешь!...»

Стоят: И. Еримбетов соратник, Султанбек Ходжанов, Плакущий (водитель). Сидят (слева направо): Гуляндям (мать Зибы), Зиба, ее брат Арстан, сестра С. Ходжанова Бзау-апа, Латифа Ходжикова (старшая сестра Гуляндям)

О детстве у мамы остались самые светлые воспоминания: «Папа рассказывал мне и моим братьям Нурлану и Арстану о животных, с удовольствием слушали мы его сказки, он часто шутил, и мы чувствовали себя защищенными. В школу записывать меня вел папа, в то время как остальные дети были с мамами или с бабушками. Как-то он сообщил мне, что открыл определенный закон математики. Не понимая, что он шутит, я возразила: «Это еще до тебя открыли, сегодня мы изучали его», и изложила суть дела. Дети часто болеют, болели и мы, и, когда врач считал нас выздоровевшими, папа держал нас дома еще 2-3 дня, утверждая, что родители лучше знают своих детей».

Мама Зибы Гуляндам (девичья фамилия ее Мунайтбасова) – красивая, статная, умная женщина. Она была сдержанна, могла дать дельный совет, но могла и отчитать. Дочь волостного, она в числе других умений была обучена вышиванию разными стилями (чему пыталась научить внучек), кроила без мерки, но когда изделие было готово, то садилось на человека как влитое. Зибя не испытывала большого интереса к рукоделию, хотя очень ценила его в матери. Семью Гуляндам кормила вкусно, особенно нравился Султанбеку крепко заваренный ею чай с домашним печеньем. Охотно угощала хозяйка и посещавших их дом С. Асфендиярова, К. Ходжикова, Н. Торекулова, Т. Рыскулова, Н. Рустемова, Т. Жургенова и других. Беседы этих людей о настоящем и будущем казахского и других народов становились в сознании старшей дочери Ходжанова бесценным вкладом.

По соседству в Кзыл-Орде жила Гульнар – дочь Мыржакыпа Дулатова, ставшая врачом, просветителем в области исторических знаний того периода. «Гуляндам-апай привозила нам из Ташкента изюм, курагу, орехи, виноград без косточек, персики, я охотно ходила к ним поиграть с Зибой и поесть сладкого, – пишет Гульнар Дулатова в своей книге⁵, подаренном мне. Девочки сохранили дружбу на всю жизнь, за которую им пришлось повидать многое, тем не менее, мама писала аспирантке Жибек: «Спасибо родителям, что воспитали нас хорошо, оставив генетический код. Спасибо судьбе, хоть она и была роковой, тяжелой, приходилось бороться, выживать!»

...Наступили поистине черные дни: 1937-1938 годы. В 9 часов утра в дом Ходжанова в Ташкенте по адресу: Финкельштейна, 44, вошли два человека с суровыми лицами. Когда возмущенный Султанбек захотел позвонить Наркому внутренних дел, вошли еще двое и предъявили ордер на арест. «Сын бедняка преданно служил и служит революции и вдруг оказался врагом народа», – проговорил он и отрешенно опустился на стул. Гуляндам тайком послала 17-летнюю Зибу к другу С. Ходжанова – секретарю ЦК Компартии Узбекистана А. Икрамову. Тот попросил Зибу успокоить маму, сказав, что это ошибка... Однако вскоре забрали и его самого... В доме Ходжанова начался обыск, все перевернули. Взяв себя в руки, хозяйка продолжала разливать чай, налила и пришедшим. Выпив пиалу крепкого чая, дедушка вышел во двор. В машине сидели еще двое. «Ты не волнуйся, все будет хорошо», – сказал он любимой жене.

Через два месяца пришли и за Гуляндам. Детей Ходжановых выгнали на улицу, лишили возможности учиться, публично исключили из комсомола, из пионеров. Родственники отвернулись. Бедняжки нашли приют у брата Султанбека Шамши,

Гуляндам Ходжанова
(в девичестве Мунайтбасова), 20-е годы.

⁵ Гульнар Міржақыпқызы Дулатова. Шындық шырағы. Бірінші кітап: – Алматы, 1998.

студента. Зиба стремилась получить аттестат о среднем образовании, и за то, что дал ей возможность учиться, заведующий учебной частью В. Каримов был снят с работы. А когда все-таки маме удалось поступить на исторический факультет в САГУ (Средне-Азиатский государственный университет), в ректорате ей заявили: «Как вы можете с такой фамилией обучаться этой специальности?» Пришлось отчислиться. 15-летний Нурлан работал на заводе, чтобы помочь семье; жил он в это время у Латифы Ходжикиной, старшей сестры моей бабушки Гуляндям. Когда Нурлан поехал на восстановление города Харькова, их эшелон разбомбили. После ареста родителей, 9-летнего Арстана забрали в детский дом за колючей проволокой. Латифа-апа вместе с Зибой с трудом разыскала его и выбила разрешение забрать племянника. Сняв с себя ботинки, она надела их на Арстана, так как обуви у него зимой просто не было, и увезла домой.

В то время исчезли и потенциальные высокопоставленные женихи Зибы. В Ташкент из Москвы приехал высокий, красивый, талантливый художник – выпускник ВХУТЕМАСа Борис Жуков. Полюбив Зибу, он женился на ней, несмотря на то, что отец ее был репрессирован, и это могло повредить Борису. Вскоре родилась я, названная по балладам Жуковского Светланой. Видя, как совсем молодая мама несет меня на руках, окружающие беспокоились: «Девочка, уронишь ребенка. И кто доверил ей?» Родственники и знакомые вспоминают, как хорошо Борис относился к ним, пытался говорить по-казахски, баловал маму (он был старше ее на 12 лет). Однажды присутствующие оказались свидетелями такой сцены: помыв ноги под колонкой во дворе, Зиба попросила Бориса принести тапочки, но что он, спустившись с веранды в сад, взял жену на руки и понес в дом. Тетя Алима рассказывает, как я, пятилетняя, в отсутствие родителей самостоятельно принимала ее с другими родственниками, поила чаем.

В детском садике приходилось драться с мальчишками, забиравшими у нас сладкий чай, а в выходные я с другими детьми целыми днями играла на улице или во дворе. Не помню, чтобы мы в это время что-то ели. Просто не испытывали голода, не осознавали этого. Шла война. Однажды мама принесла кулечек атласной карамели и, когда мы пили чай, попросила меня: «Ешь свои конфетки, а то я не заметила и положила в рот уже две штуки». Как-то мы с мамой пошли в дальний двор и купили у женщины большой плоский пирожок с картошкой. Не дойдя до дома, с жадностью съели его, разделив пополам. Но такое бывало редко. Настоящий праздник наступил тогда, когда папа принес большой брикет арахисовой халвы, килограмма на три, как мне сейчас кажется. Возможно, это был его паек за длительное время. Ничего вкуснее я не ела по сей день.

Султанбек Ходжанов. 1925 год.

Однажды мы втроем счастливые вышли на веранду. На папе, обычно хорошо одетом, была поношенная тельняшка, вся в круглых дырках, думаю, – чей-то подарок, символизирующий дружбу военных лет. Это могло быть после командировки папы на Малую землю в распоряжение начальника политотдела 18-ой армии полковника Л. Брежнева в 1943 году, откуда он привез много рисунков, созданных под огнем, в том числе и портреты моряков. Когда я, сидя на руках у папы, стала совать в отверстия пальчики, мама весело пошутила: «Это сделали пули, которые отскакивали от папиного тела». Кормить меня было нечем, и папа решил подстрелить воробья (он был хорошим охотником). Ощипали птичку и сварили из нее ложку бульона, пригодным для еды оказалось только сердце. Так они берегли своего ребенка. Папа увлеченно показывал мне свои книги, в которых находил или яйца с разными пятнышками или стадо бегущих кабанов, почему-то полосатых (поросят, как я потом поняла), – словом то, что могло заинтересовать маленькую девочку. Учил владеть кистью, пером. Во время рисования папа часто напевал. «Солдатушки, браво, ребятушки, где же ваши деды? – Наши деды – громкие победы! Вот, где наши деды», – например. Утром, если во время сна на меня падало солнце, он сооружал из газет настоящую защиту. Готовя меня к школе, папа сделал сам прозрачный пенал, по крышке которого гуляли желтенькие цыплята. Не у каждого был пенал, тем более такой красивый. Вот те счастливые моменты жизни нашей семьи за мои неполные семь лет, которые я запомнила.

Затем родители, к моему огорчению, расстались, и мы с мамой и бабушкой, вернувшейся к тому времени из Карлага, переехали в Алма-Ату, к Латифе-апа. Меня и маму временно поселил в своей пустующей квартире на Головном арыке (ныне проспект Абая), предоставленной ему как участнику Великой Отечественной войны, ее сын – Султан Ходжиков⁶, так как он оставался пока в родительском доме. Однажды мы втроем пошли в театр, и дядя Султан стал договариваться: «Зиба, я буду приглашать вас в буфет, а ты отказывайся», – (денег хватало лишь на билеты, хотя в то время они продавались по доступной цене). Но все-таки к концу антракта он принес нам две маленькие шоколадки.

Приехала Гуляндам-аже в 1945 году сначала в Ташкент, легально ли, не знаю, так как ей предстояла еще и ссылка (в целом лишение свободы составило 11 лет). В тяжелейших условиях, вооружившись от волков только палкой, она в неволе пасла скот и сочиняла нараспев:

Ақмола Қарағанды арасында
Қой бағам Батық Жарық даласында.
Сақтаймын он көзімдей баққан қойды,
Ешбір ой қойдан басқа болмай қойды...

«Между Акмолой и Карагандой пасу овец в степях Батыка и Жарыка. Сохраняю их как зеницу ока, не осталось ни одной мысли, кроме мысли об овцах» – и с горечью добавляла: «Детьми нашими стали овцы».

Помню: я возвратилась из садика, и мне сказали: «Приехала твоя бабушка, войди в дом, поприветствуй ее». Несколько бабушек сидело на ковре вокруг дастархана, и одна из них смотрела на меня очень ласково. Я устремилась к ней, на что услышала: «Не я, вот твоя бабушка». Размышляя впоследствии, я понимала,

⁶ Султанахмет Ходжиков – двоюродный брат мамы, младший из четырех сыновей Конгырходжи и Латифы Ходжиковых. Талантливый режиссер казахского кино, снявший несколько фильмов, среди которых наибольшей популярностью пользуется лента «Кыз Жибек».

как это бесчеловечно, противоестественно, когда маленькая девочка растет, не зная бабушки, и никогда не увидит дедушку. Ребенком я не могла заметить, как выглядит моя бабушка, но тетя Махилия со слезами на глазах вспоминала о том, что всегда одетая элегантно, насколько это позволялось, особенно в 30-е годы, красавица Гуляндам вернулась худой, изможденной, почерневшей, в азиатских калошах на босу ногу и в выгоревшем, рваном платье. Иногда апа страшно кричала во сне. Тогда мама будила ее и успокаивала.

Вернувшись из Карлага, бабушка с головой окунулась в заботы о своих близких. На деньги, вырученные от продажи пошитых ею телогреек, она кормила семью. Воспитанием моим занялась плотно: обучила казахскому языку, научила соблюдать порядок в доме. Она пользовалась у нас непререкаемым авторитетом, мы ее любили. Своих детей она отправила продолжать учебу. Мама в Алма-Ате поступила в мединститут, Арстан – в КазГУ, а я, первоклассница, оказалась в интернате, где пробыла три или четыре года. Понимая, что необходимость этого, я все-таки тосковала по маме и несколько раз безуспешно пыталась отыскать ее в институте. Представьте себе ребенка, который спрашивает у проходящих студентов, не знают ли они, где найти его маму. Это очень грустные страницы моей биографии. Во время учебы на дневном отделении Зиба Султанбековна по ночам подрабатывала медсестрой и фельдшером в детской инфекционной больнице. Как-то во время ночного обхода профессор обратил внимание: на половичке, свернувшись калачиком, спала мама. Вторая сестра жалостливо попросила его: «Не будите, пожалуйста, она так морально устала». Как-то маме пришлось помогать супруге профессора А. Маргулана, писавшей научную работу. А. Маргулан бывал в семье Султанбека, в доме ученого знали о трагической судьбе Ходжанова и сочувственно относились к его дочери. Иногда я ходила вместе с мамой и играла с их дочкой. Окончив работу, мама получила вознаграждение и подарок: отрез крепдешина на кофточку. Но маме очень хотелось платье, и тогда бабушка отдала ей два своих новых платка из белого крепдешина. и, приспособив их к изделию сзади, сшила красивое платье: подаренный в семье Маргуланов яркий отрез располагался впереди. Приятельницы мамы нашли платье весьма оригинальным и считали, что фасон его был позаимствован ею из модного журнала.

...Окончив с большими трудностями и перерывами институт, мама была направлена на работу в город Кызыл-Орду, в Республиканскую психиатрическую больницу. С ней поехала и я. При появлении ее в лечебном учреждении произошел небольшой переполох. Зибе Ходжановой шел уже четвертый десяток, и ее яркая внешность, умение держаться с достоинством производили впечатление того, что прислали в больницу нового главного врача, который, кстати, там уже был. Мама бесстрашно стала заведовать буйным мужским отделением, жалела своих пациентов, стараясь понять каждого из них. Как-то раз узбек Раупчик отнял у всех одеяла и, лежа весь в поту, сообщил: «Зиба Султанбековна, я сегодня родила», стал искать ребенка, чтобы показать доктору, и попросил его приготовить особую халву, которой мусульмане кормят рожениц. Мама, без тени улыбки, чтобы поддержать пациента, принесла ему это лакомство.

Мы жили при стационаре, от которого нас отгораживал высокий забор, и я видела, как отдельные больные, убегая, перепрыгивали через него, слышала, как остальные «на завалинке» вместе напевали заунывные песни. Я как-то посмеялась над ними, на что соседка сделала мне деликатное замечание, объяснив, что это –

глубоко несчастные люди, но очень хорошие и достойные сочувствия. Конечно, при выборе специализации мама руководствовалась еще и тем, что психиатрам платили чуть больше, и это можно было понять, ведь у нее на иждивении была не одна я.

...Первый в республике наркологический кабинет открылся в конце 50-х годов в городе Алма-Ате. Об этом писали в газете, там же поместили фотографию Зибы Султанбековны Ходжановой, которая немало способствовала становлению наркологической службы Казахстана. Практикуя, мама невольно накапливала много материала о женах и детях, которые становились несчастными из-за того, что глава их семьи – алкоголик, наркоман. «Светочка, – обращалась она ко мне с большой просьбой, – напиши об этой трагедии, ведь ты – будущий филолог».

Впоследствии, когда мама жила в Москве и работала в мастерских, где трудились социально не опасные пациенты, она охотно вывозила их на экскурсии по памятным местам России. Мы получали открытки с фотографиями памятников то Пушкина, то Есенина. Ей хотелось как-то разнообразить унылую жизнь своих больных, что, несомненно, способствовало их хорошему психическому самочувствию. Надо было видеть, как по-матерински смотрела Зибя Султанбековна на пациентов, прильнувших к ней. Мама всегда помнила, что она врач, и готова была оказать людям помощь. Как-то мы встретили ее, приехавшую из Москвы, на Алма-Атинском железнодорожном вокзале. Мама была очень взволнована и сбивчиво рассказывала, как на просьбу подойти к определенному вагону врача, который, возможно, едет в поезде, подумала: «Наверное, найдется кто-то помоложе», но уже через несколько минут отважно шагала из вагона в вагон движущегося состава. Оказалось, что рожала женщина, и кроме медсестры никто не подошел. Попросив выйти из купе всех, включая мужа будущей матери, Зибя Султанбековна вместе с медсестрой стала помогать роженице. Отец ребенка был, наконец, допущен к жене после того, как сообщил, что он тоже врач, стоматолог. Счастливые родители назвали девочку Зибой.

...После развода мама вышла замуж за Адильхана Досмухамедова и родила Исатая. Я очень обрадовалась братишке. Бывший военный врач Адильхан Халелович работал главным врачом больницы в села Каратас Южно-Казахстанской области, там же лечила пациентов фельдшер Ходжанова. Он был хорошим человеком, относился ко мне по-отечески. К нашему большому горю, Исатая нет среди нас. У него трое детей. Спустя годы последовал еще один брак мамы, родился сын, названный в честь деда Султанбеком. Мы с удовольствием нянчились с таким хорошеньким мальчиком. Инженер-конструктор, сейчас он живет в Москве, имеет двоих детей: Искандера и Жамилю.

Где-то в 70-е годы папа, находясь на отдыхе в доме творчества Союза художников в Паланге, позвонил мне в Алма-Ату и попросил сообщить московский номер маминого телефона. Он пришел к ней с тортом, и они отправились на дачу. Стояла красивая теплая осень, и Борис сказал: «По Ташкентским архивам, ты всё еще – моя жена», – и выразил робкую надежду на продолжение их брака. Но этого не последовало.

Расскажу немного о своих детях. Их отцом был Ерлан Тыныбеков, кандидат технических наук. Мама и бабушка очень любили своего Ерлашку. Старший из наших детей – Нурлан – инженер, Асель – филолог, младшая – Сауле – инженер и юрист. Все имеют семьи, осчастливили меня внуками, успешны, заботливы.

При моем поступлении в аспирантуру мама просила: «Света, поступи, пожалуйста». И я старалась, прежде всего ради мамы. В дальнейшем муж и трое наших детей делали все возможное для того, чтобы мои научные изыскания в области казахской литературы были плодотворными.

...Познакомившись с Ерланом, я сообщила маме: «Он такой красивый, на тебя похож!».

Почему о тебе не пишу я стихов,

Потому ли, что мне не хватает слов?..

Посвящая мужу эти строки, я не предполагала, что по истечении 30-ти лет совместной жизни наш брак закончится.

Внуки являлись для мамы отрадой, она привозила из Москвы столько подарков, что могла раздавала их часами, но возиться с детьми не любила. Тем не менее просила меня прислать их к ней самолетом с сопровождающим (я не всегда могла отлучиться с работы), убеждая, что им непременно надо увидеть столицу. Дети поочереды побывали у бабушки, а Нунка, как называла Нурлана мама, виделся с ней еще и тогда, когда мы ездили к обучавшемуся в аспирантуре Московского энергетического института папе. Кроме того, сын побывал еще в Ленинграде и Петродворце. Это тоже устроила мама.

Немало времени уделяла Зиба визитам к родственникам, к подругам. Она была очень общительной. За время своего пребывания в Алма-Ате, приехав к своей маме Гуляндам, которая стала часто болеть, она успевала посетить и Алимю Джагфаровну Лапину и ее старшую сестру Махилию. Это – дети старшего брата бабушки, служившего переводчиком при Хивинском хане. Жанна Мунайтбасова, дочь маминого дяди Абдурахмана, обучавшегося в Германии, принимала Зибу у себя дома с удовольствием. А у Сауле, дочери Кулахмета Ходжикова – известного сценографа, художника кино, живописца, книжного графика, исследователя традиций казахского прикладного искусства, внучки первого художника-костюмера Оперного театра Латифы, и у близкой родственницы Гульсары Каблановой, снявшей фильм «Қызуқанды қазақ»⁷ о С. Ходжанове, соскучившись, мама жила по два-три дня. Мы же в силу неоправданной занятости, находясь с родными в одном городе, не виделись с ними по несколько лет.

Подругой мамы была Халима Адамовна Бекмухамедова, филолог, супруга известного профессора Ермахана Бекмаханова, у которой в институте я училась и очень ей благодарна. У Халимы Адамовны – красивые глаза и тонкие черты лица. Она ходила в оригинальной велюровой шляпе зеленого цвета. Когда я родилась в Ташкенте, подруга мамы, радостная, приходила посмотреть на меня. Другая мамина подруга – Галина Яковлевна Кудрина – психиатр, дочь профессора Штесса, до сих пор звонит мне и звонким голосом произносит: «Светочка». Так меня уже не зовут, и я становлюсь маминой дочкой, воображаю, как по-доброму улыбается Галина Яковлевна. В каждый приезд мамы в Алма-Ату она настоятельно приглашала ее в гости, сообщала новости и угощала пирогами. Тесным было общение и с Жибек Картаевой, терапевтом. А в Ташкенте жила чудесная женщина Рахима Мусаевна – супруга Алтынбека Нуралиева, ученика Султанбека Ходжанова, удостоенного Сталинской премии за создание хлопкоуборочной машины. Тетя Рахима была воплощением доброты и изящества во всем. Их старший сын Дамир – мой ровесник, и я выросла вместе с детьми этой пары.

⁷ «Қызуқанды қазақ» – горячий казах, буквально: казах с горячей кровью.

Родители наши дружили с нашего раннего детства. Бабушка, мама и я, когда была старшекласницей и студенткой, ездили к папе в Ташкенте, останавливались в гостеприимном доме Нуралиевых. А вот о московских приятельницах мамы, к сожалению, я знаю мало.

Мама, в числе немногих, дружила и с Злихой Жумабаевой, которую между собой мы ласково называли «декабристкой». Узнав о возможности издания произведений горячо ею любимого Магжана после его реабилитации, совсем уже немолодая женщина поехала в Москву. Каждый день по пути на мамину работу они пешечком доходили до Ленинской библиотеки, где Зиба Султанбековна перепоручала легендарную женщину добрым сотрудникам учреждения. Знание арабской графики значительно облегчало Злихе-апа поиски стихов в старых журналах и газетах. Когда ей удавалось найти очередной шедевр, то они устраивали мини-литературный вечер с чаепитием, на котором жена замечательного поэта Магжана Жумабаева рассказывала, когда и по какому поводу было создано произведение. Мама уважала ее и за прошлое заточение, которое Злиха разделила с Гуляндам, и за то, что Магжана с Султанбеком связывали глубокие духовные узы, результатом которых явилось издание первого полного сборника стихов поэта и прекрасное предисловие к нему Ходжанова.

...Дочь Султанбека вспоминала, как папа подзывал ее к радиоприемнику и говорил: «Послушай, доченька, мелодичное восточное исполнение». К сожалению, не вникнув в пение, она уходила. Но с детства я слышала звучавший в нашем доме голос мамы: исполнялись арии из опер, романсы. Я считала, что так поют все, но с годами убедилась в уникальности ее вкуса. Любимы были мамой и казахские народные песни «Қараторғай», «Зәуреш», «Елім-ай».

Қаратаудың басынан көш келеді,
Көшкен сайын бір тайлақ бос келеді,
Елім-ай, елім-ай.
Ел жұртынан айрылған жаман екен,
Қара көзден мөлтілдеп жас келеді.

«С вершин Каратау движется кочевье, по мере его продвижения все больше верблюжат идет без матери-верблюдицы. О, моя Родина, о, моя Родина. Тяжело лишиться родины, народа, – черные глаза полны слез...».

Невольный выбор таких грустных напевов, думаю, объясним. Вместе с тем, любимым жанром мамы была веселая, жизнеутверждающая оперетта.

Возможно, стремление петь передалось ей от моей бабушки, которая, сидя за швейной машинкой, всегда напевала под ее «аккомпанемент»:

Айналайын атыңнан, алтыным-ай,
Ақ жүзінді көргенде, балкыдым-ай.
Шилі өзен қамысы-ай,
Бізді ойлай жүр, таныс-ай...

И теперь я напеваю в память об аже эту красивую песню, в которой, обращаясь к любимому, женщина называет его милым, дорогим, поет о том, что вся река покрыта чиём, камышом, просит знакомых помнить о них – влюбленных. Думала она в этот момент, несомненно, о Султанбеке.

Одно время мама по абонементу посещала лекции-концерты в зале Московской консерватории. Благо, что этот очаг культуры располагался через дорогу от дома. Мой младший брат Султан, шутя, замечал: «Мама наша окончила консер-

ваторию». А мама писала мне, живущей в Алма-Ате: «Слушаю музыку и думаю о тебе». Как хорошо, что мамочка считала меня – любительницу Шопена – достойной этого.

В своих солнечных и нежных письмах она писала:

«Милая моя доченька! Ташкент, детство твоё – лучшие годы моей жизни». «Читаю книги по искусству Востока, очень довольна». «Как Саулеша Ходжикова? Я её очень и очень люблю». «Аселечке – счастья, радости, укрепления сил и здоровья. Береги себя, золотая!» «Безумно рада прилету моей золотой внучки Саулешы... Как сон, прошёл этот миг её пребывания». «Наверное, я надоела вам с рекламой чая «Дастархан» (в которой мама снялась – С.Т.), а может, я всё время с вами?» «Изучаю арабский язык, арабские имена в казахских семьях и записываю их по-арабски. Занимаюсь по одному часу в день, утром». Тогда ей уже исполнился 81 год. «Нас посещает горе одно за другим. Я устала, мне тяжело, и возраст преследует». «Милая, дорогая моя маленькая внучка Саулеша! Спасибо за подарки и за деньги... Знала бы ты, Саулеша, сколько удовольствия я получила, потратив расчётливо, разумно эти средства».

Мама с гордостью писала об успехах подрастающих внуков-москвичей, сообщала о своём участии в работе конференций в Московском доме национальностей, где её принимали с особым уважением и почётом, и в других мероприятиях.

Мама старалась не пропустить ни одной театральной премьеры. Как-то маленькая Асель, гостившая у бабушки, сообщила, что смотрела балет «Тонкий ход» («Дон Кихот»), где успешно выступил Рамазан Бапов, наш родственник. Мама дружила с ним и с его женой Людмилой. Балет «Жизель». В паре исполнителей они были неподражаемы. Однажды мы с мамой присутствовали на концерте грузинского ансамбля «Рустави» в Московской консерватории. Многоголосое мужское пение, лившееся со сцены, привело меня в полный восторг. Знакомство с актёрами обогащало Зибу Султанбековну. Она рассказывала, как знаменитая наша Сабира Майканова, Народная артистка Казахской ССР, «жаловалась» на то, что, находясь на гастролях, не может в условиях Москвы с аппетитом съесть килограмма эдак «два» мяса, что способствовало бы её полной отдаче на сцене. Мама пригласила её к себе домой и пообещала поддержать актрису наилучшим образом. Конечно, к этому не сводилось общение: Сабира-апай была прекрасной рассказчицей. Живя в Москве, мама очень скучала по родине, заговаривала первая с казахами, киргизами, представителями других восточных национальностей. Как-то она по-казахски обратилась к молодому незнакомцу. «Я – якут», – объяснил тот. «Все равно – наш, пойдём ко мне чай пить», – последовало приглашение.

Когда мама покинула этот мир, мне приснилась Майканова, к тому времени тоже покойная. В сквере, где висели гирлянды из горящих лампочек, а решетки обвивали душистые розы (мои ташкенские впечатления), я была у неё в гостях. Изысканные официанты сновали между столами под сентиментальную музыку. Проснувшись, поняла: мама, чтобы не испугать меня, не приснилась мне сама, а дала понять, что находится «в раю». Затем я узнала, что актриса была первой женой нашего родственника, и этим тоже объяснялось их проникновенное общение.

...Как-то по пути на занятия в КазПИ им. Абая я встретила заплаканную маму. В руках она держала документ о посмертной реабилитации отца. Это было в 1957 году. И только потом начались поиски родственниками архивных документов о Султанбеке Ходжанове. «Получив сведения о нём, семья плакала от радости, т. к.

потеряла всякую надежду на справедливость», – писала дочь Ходжанова. Пресса молчала о С. Ходжанове вплоть до конца 80-х годов: тогда в Узбекистане вышла обстоятельная научная статья Р. Раджаповой, а в Казахстане появилась публикация Б. Койшибаева. Много времени, «копаясь» в библиотеках, посвятил поискам сведений об отце мой дядя Арстан. Однажды его труды были вознаграждены: незнакомый прежде К. Доброницкий вручил ему чудом сохранившийся экземпляр книги «К десятилетию Советской Автономии Туркестана»⁸. Позднее благодаря хлопотам профессора А. Такенова и трудам Ж. Алмашева, осуществившего перевод книги на казахский язык, Благотворительному фонду им. С. Ходжанова удалось переиздать ее.

Дядя Арстан любил меня, он отличался благородством, мягким характером.

Ищу в случайном человеке твои угасшие черты

И с болью сердца вспоминаю, каким был ты...

Мой бедный дядя, хоть ты умер – живешь во всем:

И в сыне маленьком Санжаре, и в доме том.

Эти строки были написаны мной, когда Арстан безвременно ушел из жизни. Кроме Санжара есть еще его сестра Жамиля.

Посещая различные инстанции, мама постоянно спрашивала: «Почему вы не пишете о моем отце, почему на ваших стенах нет его портрета?» Однажды с этими же вопросами, при очередном визите в Академию наук, она обратилась к М. Каратаеву. Не получив вразумительного ответа, мама вернулась очень огорченной. До конца своих дней Зиба Султанбековна устраивала встречи со студентами, рассказывала об отце и в других аудиториях, везде ее слушали с большим интересом. С почетом встречали З. Ходжанову на кафедре «История Казахстана» в КазГУ им. аль-Фараби, на кафедре педагогики КазПИ, в Алматинском энергетическом институте. Мама неделю сидела на телефоне и созвала в АЭИ большую аудиторию, состоявшую из писателей, ученых, общественных деятелей и тех, чьи родные были репрессированы в 1937-1938 годах. Ш. Байтурсынова, М. Дулатова, М. Есенгельдина, З. Ходжанова сидели в президиуме. Рядом со мной расположились У. Жумабаева и моя дочь Сауле. В зале Ученого совета собрались студенты и преподаватели. Надолго запомнилась всем песня о тех тяжелых временах, проникновенно исполненная известным певцом К. Байбосыновым. По инициативе Зибы Султанбековны в мединституте, который тогда еще не носил имя С. Асфендиярова, состоялось собрание. Мама как раз рассказывала о больших заслугах перед народом бывшего народного комиссара здравоохранения Туркестанской республики С. Асфендиярова⁹. Была дочь Ходжанова и в школе, удостоенной имени Султанбека, в селе Аксумбе Сузакского района Южно-Казахстанской области.

Столетний юбилей Султанбека Ходжанова торжественно отметили сначала в местах, где он родился, рос и работал: в Чимкенте, Туркестане, Сузаке, Аксумбе. Мама приехала туда вместе с детьми и внуками. На территории Сузакского района было поставлено 100 юрт и красивый хансарай, в котором мы расположились среди почетных гостей. В Алматы во Дворце Республики отметили совместный

8 С. Ходжанов «К десятилетию Советской Автономии Туркестана». Издательство «Правда Востока», Ташкент, 1928.

9 Санжар Асфендияров – видный государственный и общественный деятель, выпускник Императорской военно-медицинской академии, военный врач, ученый, профессор.

юбилей И. Джансугурова, Б. Майлина, С. Сейфуллина, Т. Рыскулова и С. Ходжанова. Все эти дорогие нам люди родились в один 1894 год и погибли от рук сталинских палачей тоже в один 1938 год. Выступавший на вечере памяти Президент Нурсултан Абишевич Назарбаев тепло отозвался о каждом из юбиляров, напомнил о том, что уроки истории учат нас многому, и, в частности, сказал: «С. Ходжанов был высоко образованным человеком, возглавлял наркоматы внутренних дел, просвещения, земледелия Туркестана, стал первым главным редактором газеты «Ақ жол», многое сделал для повышения самосознания казахского народа, был подвижником культуры, опорой для ученых, деятелей науки и культуры».

Встреча на кафедре истории КазГУ. Крайний справа — профессор А.Такенов. 1994 г.

На вечерах памяти ко мне часто подходят люди, горячо приветствуют и говорят о близком знакомстве с мамой, благодарно отзываясь о встречах с ней. При посольстве Казахстана в Москве отмечали 80-летие Зибы Султанбековны Ходжановой, состоялся концерт, ей вручили адрес с пожеланиями и подарок. Приглашали маму в Ленинград, где в то время проживало около 7000 казахов. Землячество «Атамекен» обратилось к ней с просьбой рассказать об отце. Выступала З. Ходжанова и по инициативе Московской ассоциации казахских аспирантов и студентов.

Мама много помогала аспирантам, изучавшим жизнь, деятельность и творчество С. Ходжанова и С. Лапина¹⁰. Среди них были ныне уже известные А. Шарипов, Ж. Уалиханова, Ж. Симтиков, Э. Азретбергенова и другие.

¹⁰ Сералы Лапин (1868-1919г.г.) — старший брат Гуляндам (поскольку их отец Мунайтбас Лапин, дети унаследовали или фамилию отца, или производное от его имени в качестве фамилии). Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, ученый-ориенталист. Им расшифрованы надписи на плитах мечети в Самарканде. Председатель «Шуро-и-Уламо». Член Государственной Думы. Присяжный Поверенный от Туркестанского края в Санкт-Петербурге. Составитель Русско-узбекского словаря. Активный участник строительства мечети в г. Санкт-Петербурге. Его дочь Рабия (Рабига) — супруга Санжара Асфендиярова.

«Милая Жибек, – писала мама, – для всех папа являлся другом, защитником и учителем». «Голощекин специально готовил террор, собирая в день по два раза Бюро Крайкома, на котором давал задание неграмотным работникам распространять компромат на С. Ходжанова и других». Мама сообщала аспирантке: «В московскую нашу квартиру приходили Рыскулов с Аза-женгей, Торекулов с Марьям и дочкой Саидочкой, Нурмаковы, Асфендияров, Сарыкулов Д., Маргулан А.Х., Сейдалин, мой двоюродный брат и др.». Рассказывала она о том, что познакомилась ее родители в доме Конгырходжи Ходжикова¹¹, который был женат на Латифе: презрев своего богатого жениха, который уплатил за нее большой калым, Гуляндам сбежала с любимым, с Султанбеком, которого родные девушки и ее жених презренно называли караказом, мстили ему.

Обширная переписка мамы с журналистами, писателями и соратниками отца заслуживает особого внимания.

«Спасибо вам, Зиб-апа, за ваше теплое, хорошее письмо», – пишет Б. Койшибаев, автор книги «Сұлтанбек Қожанов»¹², ставшей настоящим духовным памятником верному сыну казахского народа, и сообщает о планах общества «Әділет» и о том, что Ж. Амирханова – председатель Казахского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами, хлопочет о возведении памятников пяти многострадальным женам заслуженных деятелей, подвергшихся репрессиям, в том числе и Г. Ходжановой.

А вот письмо Ж. Алмашева, в котором он сообщает, что для завершения книги ему необходимы отдельные материалы. Писатель перевел учебник Султанбека «Есеп тану», написанный арабским алфавитом, в современную графику. А. Шарипов, автор научной работы о С. Ходжанове¹³ – публицисте, литераторе, обращается к его дочери: «Я хочу, чтобы Вы не болели... ни о чем не переживайте. У нас все идет по плану». Пишет о том, что с Д. Камзабековым они нашли газету «Бірлік туы», «редактором которой был Султанбек-ага, а ответственными выпускающими – Мустафа Шокаев и Хайретдин Болганбаев». До того времени в научном обороте этой газеты не было. Радостным сообщением явилось и то, что в учебную программу Евразийского университета им. Л. Гумилева введен новый спецкурс «Публицистика 20-х–30-х годов...», «в котором я (А. Шарипов – С.Т.) большое место отвоюю творческому наследию Султанбек-ага». А. Шарипов подготовил к печати сборник сочинений С. Ходжанова, благодаря которому мы впервые познакомимся с его трудами, долгое время пылившимися в архивах¹⁴.

С. Пазылбеков передает маме радостную весть о том, что к 1992 году именем С. Ходжанова уже названы библиотеки, улицы Джетысая, Арыси, Туркестана.

Сослуживец Султанбека М.Марьяновский писал о нем: «Это был человек исключительно скромный и простой. Он был всегда остроумным и веселым. Это был кристаллически чистой души человек, истинный друг казахского родного ему народа, он был другом всех народов СССР, он, не щадя сил и здоровья, боролся за светлые идеалы...»¹⁵

11 Конгырходжа Ходжиков – известный казахский педагог, просветитель, ученый-краевед, член Туркестанского отделения Алаш-Орды.

12 Қойшыбаев Б. Сұлтанбек Қожанов. Алматы: ЖШС «Қазақстан» баспа үйі, 2007.

13 Шәріпов Амантай. Сұлтанбек Қожанұлы – әдебиетші. – Алматы: «Ер-Дәулет» Қазақстан, 1994.

14 Қожанұлы С. Шығармалары \ Сұлтанбек Қожанұлы (Құрастырып, кіріспесі мен соңғы сөзін жазған проф. А. Шәріп). – Алматы: «Арыс» баспасы, 2009.

15 Письмо к дочери С.Ходжанова Зиб-апа от 7.07.1958 года (из личного архива автора статьи).

Ученый-литературовед М. Жармухамедов постоянно приносил нам статьи о С. Ходжанове и прочитывал их бабушке. «Твоя мама, – говорил Мухым-ага, – очень образованный, начитанный человек. Очень интересный, каких мало». К столетнему юбилею С. Ходжанова было опубликовано более ста статей. Впоследствии они легли в основу сборника «Алаш Арысы» (Алматы: ҚАЗАқпарат, 2001) с предисловием Ж. Алмашева. Книга была тщательно подготовлена составителями З.С. Ходжановой и М. Жармухамедовым. и вызвала неподдельный интерес у широкий читательской аудитории.

Зиба Султанбековна Ходжанова скончалась 8 февраля 2001 года в Москве на 82 году жизни, так и не узнав о месте захоронения своего отца. Долгое время считалось, что могила С. Ходжанова находится в Бутово, но после долгих поисков выяснилось, что его прах покоится в братской могиле у поселка Коммунарка близ Москвы. 10 сентября 2014 года, в день 120-летия Султанбека Ходжанова, мы привезли горсть священной земли на его родину, в село Аксумбе. спустя несколько месяцев благодарные земляки при поддержке акимата Сузакского района воздвигли на том месте памятник, за что им от всех нас низкий земной поклон.

...После кончины мамы было много звонков с соболезнованиями. Казахское посольство оказало содействие в организации похорон. Существенную материальную помощь оказал мулла Марат-Хаджи Аршабаев, на протяжении многих лет знавший Зибу Султанбековну. У Центральной мечети собралось более ста человек, ранее знакомых маме. На молитве заполнилась вся площадь. Слушатели медресе вынесли тело Зибы Ходжановой на вытянутых вверх руках, тем самым выразив ей особое почтение.

Султан Ходжанов, взяв на себя все хлопоты, установил плиту из черного мрамора на мусульманском участке кладбища в Бутово, где похоронена мама. От могилы мамы до печально известного Бутовского полигона, на котором за 14 месяцев 1937-1938 годов было предано земле 27760 невинно убиенных, полчаса ходьбы. Султанбек Ходжанов был расстрелян 10 февраля 1938 года. Судьба, наверное. Почти одно скорбное место и почти одно число февраля. День похорон Зибы Султанбековны выдался теплым (казахи говорят в таких случаях: «Құдайдың шапағаты түсті», т.е. снизошла божья благодать), хотя до и после этого стояли морозы. В Московском доме национальностей казахская диаспора организовала вечер памяти Султанбека Ходжанова и его дочери Зибы Ходжановой. Она была «самым активным членом ее, самым старым и уважаемым», – писал Султан в своем письме ко мне. Я говорю об обстоятельствах похорон со слов Султана, так как сама в то время, находясь в Алматы, лежала после операции в больнице...

Зиба Султанбековна Ходжанова была достойной дочерью своего отца. Она доказала это всей своей жизнью и многое сделала для того, чтобы увековечить память о нем. В своей статье «Он честно служил народу», опубликованной в «Казахстанской правде», Зиба Султанбековна писала: «Хотелось бы, чтобы, узнав о Султанбеке Ходжанове, люди относились друг к другу с большой любовью, вовремя прислушивались к мудрым высказываниям современников, ценили каждую человеческую личность».

